

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

МИР ЗА НАШИМ ОКНОМ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 8. Мир за нашим окном**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 8. Мир за нашим окном /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-857-0

В восьмой том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошли его
путевые заметки о поездке в Восточную Германию «12 дней в ГДР» и серия
миниатюр рубрики «Окно в природу».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-857-0

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1970	10
Устроились...	10
Запас	13
Домашние дикари	16
Подозвать зверя	19
Точка зрения	21
Средняя полоса	23
Лесные находки	27
Доля секунды	32
Рыбалка в Африке	35
Красота	38
Потехи ради	43
Столкновение	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Василий Песков
Полное собрание сочинений. Том
восьмой. Мир за нашим окном. 1970–1971

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Одно из постоянных стремлений человека – познание жизни. Книга познания содержит много страниц, но прочитано в ней только начало. Стало быть, для понятия сущности жизни важно сохранить на земле все живое разнообразие.

Видеть весной косяк пролетающих журавлей; слышать пение соловьев, перепелки, кукушки; спугнуть невзначай лося в лесу и знать, что где-то в

Уссурийской тайге ходит живой, а не плюшевый тигр, – это великая радость жизни! За эту радость надо бороться, пока не поздно».

В. Песков

Предисловие

Этот том складывался просто и с отдельным интересом. Пролистав его, вы увидите – в основном это новеллы из рубрики Василия Михайловича Пескова «Окно в природу».

Я уже писал, что это самая знаменитая рубрика в «Комсомолке», да к тому же и самая долгоживущая, хотя автора ее уже нет с нами.

Придумал ее сам Василий Михайлович. Он об этом никогда особо не рассказывал, но в одной из его записей он вскользь упомянул: «Окно в природу» утвердилось в «Комсомольской правде» сразу. Началась рубрика с редких фотографий и обширных к ним подписей. А однажды я взялся поразмышлять о любви человека к природе, о счастье этой любви и получил отклик – сразу несколько сот писем. Я понял, как много людей чувства мои понимают и разделяют...»

Сперва он решил вести ее год, но почти не убавлялось. И он продлил еще на год, еще. И если вы обратите внимание на даты публикации его заметок, «Окно...» стало почти еженедельным, что для чисто авторской рубрики в те времена – большая редкость.

Интересно смотреть, как Василий Михайлович строил свои миниатюры. В газете это не так заметно, а вот в книге вы наверняка обратите внимание, что некоторые фотографии повторяются в разных по темам заметках. Василий Михайлович страстно увлекался фотографией, но все-таки даже у профессионального фотографа-анималиста не наберется, наверное, столько различных снимков, чтобы не повторяться годами.

Понятно, что и Песков столкнулся с этой проблемой. Но он придумал, как быть. Мастер, он и есть мастер. Даже если снимки и повторяются, они очень точно подобраны к теме очередного «Окна...». Фото волчат может быть и с рассказом, как устроено волчье логово, и – с миниатюрой о материнстве и нежности в мире животных. Верблюд может кочевать в очерках об Африке и – в рассказе о том, как с ним уживаются птицы-санитары. Это для Василия Михайловича было очень важно: показать, как разнообразна по ситуациям, мгновениям и загадкам природа.

А главное – помогал Пескову огромный архив. Как мы что-то коллекционируем (например, марки или пивные кружки), так он коллекционировал необычные и редкие фотографии из мира животных. Много, как вы поняли, ему присылали читатели «Комсомолки», он даже придумал как бы подрубрику к «Окно...» специально для таких карточек – «Пишем, что наблюдаем». Но многое Василий Михайлович вырезал из журналов, переснимал из книг о природе, фотоальбомов, в какой бы точке мира он ни увидел интересный кадр.

Он, кстати, и сам говорил об этом и даже сокрушался, что не всегда знал, кто автор снимка. Но уж если знал – непременно называл его в своей рубрике.

Именно поэтому вы увидите в подписи под материалами строчку: «...фото из архива В. Пескова». Этот архив жив, он сохранился. Большой, немного запутанный. И помогает нам сейчас, разбирая этот архив, внук Василия Михайловича Дмитрий Песков. Спасибо ему за это!

А то, что не сохранилось, мы перефотографировали из «Комсомолки» тех лет, так что извините за качество некоторых снимков.

И все это – в интересах нас, читателей. Попробуйте закрыть ладонью фотографии в «Окне в природу» и просто прочесть заметку. Да, она покажется вам интересной и любопытной.

А теперь уберите ладошку и перечитайте «Окно...» заново.

Почувствовали разницу?

Да, все те звери и птицы, рыбы и киты, жуки и стрекозы, о которых Василий Михайлович вам рассказывал, – они становятся почти живыми. И приходят к вам такими, какими их увидел и сохранил для вас Василий Песков.

Встречайте этот забавный и интересный мир.

*Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».*

1970

Устроились...

Окно в природу

Один из этих снимков сделан на улице Лондона. Полицейские терялись в догадках: отчего это желтый огонь светофора стал гореть тускло? Заглянули под козырек и обнаружили там... дрозда, сидящего на гнезде.

Не менее любопытный рассказ записал я два года назад в Харьковской области. «Сломался в борозде трактор. Нужной запасной части скоро добыть не могли, потом шли дожди. Вернулся я в поле, гляжу – в маленькой нише возле капота трясогузка свила гнездо и спокойно сидит на яйцах. Аккуратно заменяю деталь – птица сидит. Пахать начал – сидит. Пыль, грохот, запах бензина – сидит. Птенчики вывелись. Переехал на соседнее поле, и трясогузка за мной прилетела, кормит птенцов...»

Нечто подобное могут понаблюдать все, кто проезжает весной и летом через южную станцию Масис. Обычная станция: с лязгом железа, сплетением проводов, гудками электропоездов, человеческой суетой, огнями и прочими неудобствами. Но почему-то именно тут решили селиться аисты. И не одна пара. Десятки гнезд построено птицами на опорах и металлических переплетах электролиний. Каждую осень аисты улетают на юг, но обязательно возвращаются на свою станцию, занимают старые и строят новые гнезда, над бегущими поездами выводят птенцов. Удивительная картина!.. Но, по правде сказать, к близко живущему у домов аисту мы привыкли, мы знаем, что птица эта готова селиться на самом неожиданном месте.

Терпимость к технике с удивлением наблюдаешь и у других животных. Вот стайка диких кроликов сидит почти под колесами идущего на взлет воздушного великана. Зверьки спокойны. Я наблюдал: так же спокойно ведут себя лоси вблизи московских аэродромов. Самолет проносится низко над лесом, но звери и ухом не поведут. Спокойны лоси и вблизи автострады. Но в это же время хрустнет у тебя под ногой ветка – сразу насторожились!

Любопытные снимки сделал я в Африке: слоны рядом с автомобилем, львы идут по проезжей дороге... Или вот еще характерный момент: прямо возле колес переходят шоссе молодые гепарды. Трудно сказать, чем бы кончилась встреча гепардов и пешего человека. Но машина... звери вполне уверены, что машину бояться не надо. С рождения гепарды видят автомобиль и считают его вполне уместным и дружелюбным соседом по жизни. Я видел в национальном парке Найроби, как старый гепард наблюдал пробегающих антилоп, а когда они скрылись в траве, прыгнул на стоящий автомобиль и стал наблюдать сверху...

Человек все меньше и меньше места оставляет на земле дикой природе. Но жизнь пластична. Мы видим, как живой организм привыкает к необычным условиям. Однако мы должны уберечься от ложного вывода, будто дикая жизнь под натиском человека во всех случаях сохранится. Нет. Чаще всего с разрушением среды, в которой тысячи лет обитало животное, гибель его неизбежна. Те же аисты в Западной Европе почти совершенно исчезли, потому что осушены были болота. Многие птицы (глухарь, например) не терпят «фактора беспокойства». Однажды спугнутая глухарка редко к гнезду возвращается. И потому так быстро переводятся глухари в тех местах, где человек постоянно присутствует.

Но вот другой пример. В нескольких странах Европы выжили и хорошо расплодился серые куропатки. Островками жизни для куропаток оказались гривы нераспаханной земли, которую люди сознательно оставляли между полями.

Как никогда раньше, нам важно знать сейчас, как ведет себя дикая жизнь под натиском человека. Мы должны предвидеть заранее, кто, каким образом может приспособиться к близкому соседству людей и для кого из животных надо оставлять «спасительные островки». Это

одна из серьезных задач биологии. Но и каждый из нас пристальным наблюдением может внести крупицу пользы в познание мира, нас окружающего, и в сохранение его.

Фото из архива В. Пескова. 30 августа 1970 г.

Запас

Окно в природу

Зима – не тетка. И потому летом и осенью мы спешим сделать запасы: солим, сушим, варим варенье... То же самое происходит сейчас и в природе. Понаблюдайте осенью за поползнем и синицей. Пospели семена диких растений, и птицы целый день снуют по деревьям, прячут в щели коры запас. В зимнюю стужу они разыщут свои кладовые и так же вот, ерзая вниз и вверх по стволу, выберут из коры семена.

Поспеют желуди – заготовки начнутся у соек. В дупла, под опавшие листья, в муравейники спрячут сойки зимний запас. Можно дивиться умению птицы находить свои кладовые. Ровная пелена снега, но сойка уверенно прыгает с ветки, зарылась в снег... И вот уже полетела с желудем в клюве.

Кое-кому приходилось, наверное, видеть в лесу грибы, аккуратно наколотые на сучок. Это белка сушит грибы. Созреют орехи – белка начнет выбирать самые крупные, будет носить орехи в дупло, зароев в листья, спрячет где только можно, спрячет с избытком, потому что не все свои кладовые белка сумеет найти.

До ста килограммов зерна и корней запасает на зиму хомяк. Мешок зерна за щеками переносит грызун в подземную нору.

Но, пожалуй, больше всего забот в летнюю пору у маленьких, величиной с морскую свинку зверьков, сенокосов. В жаркое время сенокосы неутомимо косят и сушат траву. Стебелек к стебельку, и вот стоят на склоне горы маленькие стожки. В предчувствии дождя сенокосы укрывают стожки широкими листьями.

Бобры запасают и опускают под воду осиновые поленья. Лисы при избытке еды прячут в снегу мышей.

Все, кому предстоит пережить суровое время, запасаются продовольствием. Медведь, енот и барсук спят зимой. Но запас и у них есть. Эти звери держат запас под кожей. Прежде чем лечь и уснуть до весны, медведь и барсук усиленно кормятся, едят разнообразную пищу, чтобы вместе с жиром накопить вещества, нужные организму (именно потому барсучье и медвежье сало целебно). Если медведь за лето и осень не нагулял жиру – в берлогу он не ложится. Медведь становится шатуном. Такой зверь к весне, как правило, погибает.

Но еду иногда готовят и не к зиме, а впрок, на текущее время. Понаблюдайте за птицей сорокопутом. Лягушек, мышей и кузнечиков этот маленький хищник вялит, вешая на колючки...

Запас карман не трет.

Фото автора. 5 сентября 1970 г.

Домашние дикари

Окно в природу

В Хоперском заповеднике уже несколько лет борются с необычной напастью – в лесах расплодилось одичавшие псы. Потомки кудлатых дворняжек стали опасней волков. Правда, домашний скот собаки не трогают. Они вообще держатся от человека подальше. Зато оленей и все живое преследуют круглый год.

Родословная этих разбойников восходит, как говорят, к добродушной дворняжке, помогавшей старику-сторожу в сопредельных с заповедником келлермановских дубняках охранять спиленный лес. Собака потеряла присмотр, стала добывать в лесу что могла: постепенно отбилась от рук и, оценившись в лесу, дала начало племени дикарей.

Дикая собака динго.

Надо сказать, случай этот не исключительный. На острове Беринга я записал историю, как стая одичавших собак истребила все поголовье оленей. Борьба с ними была бесплодной. Человека собаки хорошо знали и потому ловко уходили от выстрелов и ядовитых приманок. В охоте псы проявляли необычайную сметливость.

Есть и другие примеры возвращения животных к своему первобытному прошлому. Дикая собака динго – не исконный зверь Австралийского континента. Это всего лишь одичавшие псы, привезенные европейскими поселенцами.

Наследство прошлого в наших домашних друзьях пробуждается чаще, если дикие родичи живут где-нибудь близко. В Воронежском заповеднике к колхозным свиньям села Песковатки стал приходить дикий кабан. И что же, дикому кавалеру удалось сманить в лес восемь породистых белых хавроний. Недавно я узнал: на Кавказе такое общение – дело обычное. С лесных кордонов свиньи весной уходят и возвращаются осенью уже с поросятами. Полоски на боках поросят – верное доказательство, что отцом большого семейства является дикий кабан.

Легко дичают на вольных выпасах лошади. Американский мустанг – это не дикая лошадь. Это домашняя лошадь, одичавшая в прериях.

Вновь обретенную вольность животные стараются сохранить. Свиньи, правда, соблазненные хлебом и густосоленым пойлом, возвращаются к дому. Но вот какой случай рассказал натуралист Максим Дмитриевич Зверев о лошадях. «Дело было на западном берегу Каспия. Вернулись с войны солдаты. Хозяйство разлажено. Лошадей нет. Кто-то вспомнил: в тростниках живут лошади, одичавшие со времен царской войны с Шамилем. Решили изловить дикарей... Трое суток гонялись за табуном. Не удалось поймать ни одной лошади. Тогда пустились на хитрость: загонем пугнули лошадей в воду. На лодках людям удалось догнать и заарканить двух кобылиц. Целый день вели их к деревне. Зажатые между двух лошадей дикари лягались, кусались, покрывались хлопьями пены. В загоне лошади отказались от корма. Они бились о стены, стоило лишь подойти человеку... За неделю лошади неузнаваемо исхудали, с трудом поднимались. Охотники собрались на совет и решили лошадей выпустить. Двери конюшни открылись. Люди стояли в стороне, ждали: что будет? Сверкая белками глаз и скаля зубы, лошади боязливо прошли мимо домов. Почуввав свободу, они понеслись к тростникам...»

Одичавший домашний пес в Хоперском лесу.

Зов дикой природы проявляется иногда неожиданным образом. В деревне Зеленый Гай Курской области я сделал снимок строптивых кур. Вечерами, несмотря на январский мороз, хозяйка не могла загнать кур на насест. Все они дружно взлетали и ночевали на тополях. Как видно, именно так проводят ночь дикие предки наших хохлаток. И наследие прошлого времени дает о себе знать.

Фото В. Пескова и из архива автора. 13 сентября 1970 г.

Подозвать зверя

Окно в природу

Был пасмурный день в сентябре. В недвижимом воздухе стояла водяная мелкая пыль. Ярусы побуревших кустов, куртины деревьев и стена леса друг от друга отделялись белесой дымкой. То, что было поближе, густо чернело. Остальное только угадывалось и постепенно сливалось с хмарью. Было так тихо, что в промежутках между ударами редких капель по лопухам мы слышали, как по стволу елки с шорохом бегают поползень.

Безлюдье обостряет внимание, и я почувствовал: кто-то наблюдает за нами. Повернувшись, мы увидели лося. Нас разделяла полоса убранного поля. Лось не двигался. Мы тоже замерли. Так продолжалось минуты три. И тут я вспомнил, как егери в сентябре подзывают лосей. Я сделал ладони трубой: зажал пальцами ноздри и выдохнул стонущий горловой звук. Лось встрепенулся, поднял выше голову и, когда я позвал еще раз, выскочил из кустов на жнивьё. Еще один звук – и лось кинулся к нам, но не прямо, а чуть в обход, чтобы скорее достигнуть крайних кустов. Много раз я видел лосей, но почему-то этот запомнился больше всего. Он был хорошо виден. Темное тело, казалось, плыло над белесой стерней. Длинные ноги легко несли огромного зверя.

Остановился лось сразу, как только пересек поле. Теперь его отделяли от нас шагов пятьдесят. Прежде чем позвать еще раз, мы отступили к деревьям. Я заставил спутника влезть на березу и почти сразу, уронив фотокамеру, кинулся вслед за приятелем. Озадаченный лось стоял шагах в десяти от березы. Потоптавшись, он отступил на старое место и стал поддавать головой мокрые ветки. Потом, видимо, чувствуя себя победителем, тихо двинулся в лес. Но стоило прыгнуть с березы и издать стонущий звук, как зверь опять был уже рядом...

Около часа мы дурачили лося. Мы отпускали его глубоко в лес, но три-четыре призывных звука – и зверь опять появлялся. На чистом месте возле березы он, конечно, хорошо различал нас, но жажда помериться силой с соперником все заглушала...

Существует много способов подзывать к себе птиц и зверей. Трубными звуками осенью подзывают оленей. Маленьким инструментом из полой гусиной кости скликают в поле под сетку перепелов. На манок хорошо идут рябчики. Искусным кряканьем заставляют сесть на воду селезней. Волков подзывают подвывкой. Есть способ охоты «на вабу» (вабить – значит звать голосом). Умнейший зверь волк, но тоже попадает в ловушку...

Легче всего подманить животных в пору любви. Призыв самки или голос соперника «лишает влюбленных рассудка». Но попробуйте подражать стуку дятла в лесу. Вы увидите, сейчас же появится пестрая птица. Она прилетела узнать: «Кто это смел посягнуть на мои охотничьи угодья?» Берестяным пищиком охотник, одетый в белый халат, подзывает на выстрел лису. Лиса пропустит мимо ушей множество звуков. Но писк мыши в голодное снежное время ее обязательно остановит. Я знал охотника, который подходил к сторожким тетеревам, кувыркаясь и делая разного рода нелепые движения, – тетеревов держало на месте любопытство.

Способы подзывать к себе зверя известны людям давно. Среди охотников, натуралистов и пастухов я встречал подлинных чародеев. Василий Александрович Анохин в Хоперском заповеднике легко подзывает многих животных. Я видел, как он на спор поймал ночью сову, искусно подражая пisku и шороху мыши. В Риге живет талантливый натуралист, седой старик Карл Мартынович Григулис. Он созывает птиц дудочкой. Подражание так искусно, что птицы садятся человеку на плечи и даже на самую дудочку...

Фото автора. 19 сентября 1970 г.

Точка зрения

Окно в природу

Редчайший снимок... Дикий гусь приготовился спикировать в воду. Ему удобней пикировать, перевернувшись кверху ногами. Но не только в этом суть любопытного. Посмотрите, как держит гусь голову. Голова – «не кверху ногами»! Голову, чтобы не потерять ориентацию, птица держит привычным образом.

А вот другой снимок. Тут все наоборот. Птица (короткоухая сова) спокойно сидит на ветке, но голова у нее «кверху ногами». Известно, что совы – большие мастера крутить головой. Не меняя положения туловища, птица легко может увидеть, что происходит сзади. Но зачем ей надо вот так повернуть голову кверху клювом? Очевидно, объект, попавший на глаза птице, был таким интересным, что сова изучала его со всех точек зрения.

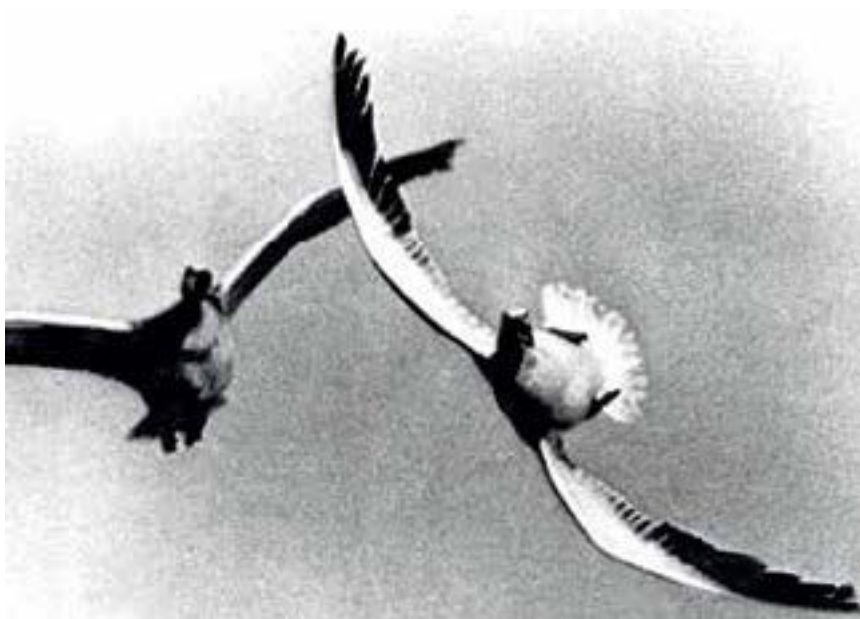

Фото из архива В. Пескова. 9 октября 1970 г.

Средняя полоса

Окно в природу

Старый вопрос к человеку, повидавшему землю: «Где лучше? Какое место красивее всех?» Есть на этот вопрос такой же старый ответ: «Хорошо там, где нас нет». В отговорке – полущутливой, полусерьезной – немало мудрости. Мест изумительных по красоте на земле много. Рассказ о семи чудесах света люди придумали, когда землю почти не знали. Сейчас любая из туристских компаний насчитает вам сотни чудес и подтвердит это цветными роскошными снимками. И чаще всего обмана нет, место и в самом деле ошеломляет тебя красотой.

Я не могу забыть, например, утра в заливе Халонг. По-вьетнамски Халонг – это залив утонувшего в море дракона. Торчащие из зеркально тихой воды зеленые скалы и в самом деле напоминают зубчатую спину затонувшего змея. Синяя дымка. Ни малейшего ветерка. Рыбачьи лодки с парусами на манер верхнего плавника рыбы тихо скользят между затонувшими скалами. Паруса пропитаны красным соком каких-то растений. Восходящее солнце добавляет им краски... Я часто вижу во сне это утро в заливе Халонг. Но я не осмелюсь сказать, что нет на земле уголка живописней, чем этот залив во Вьетнаме. Жизнь коротка, и человек даже при нынешних скоростях не способен увидеть и малой доли всего, что есть на земле, для того чтобы сравнивать.

И все-таки остается вопрос: «Какое место?..» Я и сам спрашивал разных людей. Но спрашивал так: «Какое место ты хотел бы увидеть в последний день жизни?» Никто не назвал ярких знаменитых точек земли. Желания были простыми: «родительский дом и сад», «горы перед восходом солнца... я помню их с детства», «речку с кувшинками», «степь... и по степи бегут лошади». Ответы почти одинаковы. Каждому особенно дорог тот уголок на земле, где рос, где стал человеком. И все-таки на вопрос о «лучшем месте на шарике» я всегда говорю: средняя полоса.

Рязанские поля и березы возле Оки, калужские и тульские перелески с тихой водой в маленьких речках, Подмосковье, владимирские проселки, земли тамбовские и воронежские, где леса иссякают и начинаются степи, это все в обиходе мы зовем средней полосой, имея в виду широкий пояс России, идущий с запада до Урала.

Я очень люблю этот пояс земли. Догадываюсь, что он так же хорош и по другую сторону глобуса – в Канаде и в северных землях Америки. И объяснения в этой любви должны быть понятны всем, кто сумел приглядеться к неброской, но тонкой красоте Средней России, до самых глубин понятой Левитаном, Нестеровым, Чайковским, Тютчевым, Фетом, Есениным, Паустовским.

Наклоном оси к плоскости круга, по которому шар Земли летит вокруг Солнца, мы обязаны своеобразной природе среднего пояса. В году мы знаем и длинную ночь, и длинные дни, когда они отделяются друг от друга только светом двух зорь. Мы знаем снег и сильный июльский зной. Каждый год мы видим зеленый дым зарождения жизни и желтое увядание. Одна из прелестей жизни – контрасты и перемены. После лесных блужданий и обедов под елкой с какой радостью садишься за стол с хрустящей крахмалом скатертью. Но проходит неделя, другая, и ты начинаешь думать о печеной в костре картошке. Летом мы ожидаем осень. Потом рады первому снегу, первым проталинам, первым цветам... Непрерывная цепь перемен.

Эту особенность нашей природы однажды я особенно остро понял и почувствовал. Это было в тропиках, в северной части Австралии. Несколько дней мы провели в городке Дарвин. Мне кажется, нет места скучнее и монотоннее на земле, чем эта суша, поросшая эвкалиптами. Солнце садится и поднимается тут всегда в одно время. Дни всегда одинаковы: утром – солнце, к обеду – тучи, с вечера – ливень. И так круглый год. И все годы подряд. Влажная духота, удары океанской воды в ноздреватые скалы. Лес одинаковых, с беловатой корой деревьев. Показалось

даже, и люди в маленьком городке были удручающе одинаковы – два человека в один вечер подошли к нам с вопросом, не собираем ли мы монеты и нет ли у нас монет для обмена. Потом я узнал: в этой части Австралии мало охотников жить. Якорь бросают тут неудачники или приплывшие из далекой Европы парни с единственной целью заработать тут денег...

Помню, долго не мог уснуть. Чужие слова выкрикивал попугай, скакавший в клетке над загородкой портье. И всю ночь непрерывно лил дождь. Мне показалось, что промежутков между струйками не было в этом дожде. Поднятая солнцем из океана вода сплошным потоком возвращалась на землю, чтобы завтра к полудню опять подняться тяжелыми душными облаками. Одноэтажный улей гостиницы дрожал от ударов воды. Я испытал в эту ночь приступ тоски, знакомой всем, кто надолго уезжает из дома. И в мельчайших подробностях вспомнил череду перемен, которую мы наблюдаем за год.

Я вдруг представил следы собаки на первом снегу и самого рыжего пса, с удивлением глядящего на белое вещество, покрывшее землю за одну ночь. Я вспомнил, что белый снег белым почти не бывает, он бывает то пепельным, то розовым, то почти синим, смотря по тому, каким в этот час было небо. Я вспомнил, что снег скрипит под ногами капустой и пахнет арбузом. Снег, снег. Короткие дни без теней. Копны сена, как две сахарные головы, на опушке. Цепочка лисьего следа...

Потом я вспомнил, какими ослепительно синими бывают лоскутки неба, когда дни начинают медленно прибавляться, как звенит прокаленный морозом снег, как потом каждая веточка и соринка солнечным светом утопляются в снег и как постепенно весь снежный мир становится синим. По крышам начинают путешествовать кошки, и у порога из крошечной лужицы, набежавшей с сосулечек, пьют воду куры. Живя в деревне, в это время я каждый год начинал делать новый скворечник. Эти хлопоты совпадали с радостной суматохой ожидания ледохода. И вот наконец кто-то первый услышал, как треснул лед. И все: молодые и старые устремились на мост. Плывут грязновато-сизые льдины. И какой-нибудь парень-сорвиголова на глазах восхищенных мальчишек и охваченных ужасом баб прыгает, собирает с перевернутых льдин рыбешку...

А разливы!.. Уже взрослым я первый раз увидел разлив на Оке. Настоящее море не поразило меня так же, как эта бескрайность талой воды. С бугра было видно, как по затопленной роще между стволами ветел и тополей плыла плоскодонка. На узеньком островке гоготали присевшие на ночлег дикие гуси. И только красные и зеленые огоньки бакенов отмечали в этом море воды затонувшую реку... Это же место возле деревни Копаново я увидел с бугра дней сорок спустя. Теперь разлив молодой зелени покрывал землю, и только кое-где сверкали зеркальца влаги. Мальчишка гнал хворостиной гусей. Около берега на веревке ходил красный теленок. И где-то сзади меня куковала кукушка.

Всю ночь на северной оконечности Австралийского материка шел дождь. Всю ночь я провел в полусне, стараясь не упустить нитку щемящих душу воспоминаний. Гром... У нас он, пожалуй, такой же. Вот точно такой удар одновременно со вспышкой света расколол однажды возле моей ноги небольшой камень. Было это в июне на Бородинском поле. Мы с другом, потрясенные, глядели на две половинки разбитого валуна, от которых шел дым. В тот день был ливень, отдаленно напоминающий этот вот, австралийский. Но сколько дождей, разных и непохожих, видел я там, у себя дома! У тех дождей даже названия есть: проливной, грибной, обложной, долгий осенний, зимний, от которого снег покрывается сверкающей коркой и на деревьях остаются ледяные прозрачные бусы... Град. Иней. Туманы и росы. Облака прозрачные, как тонкая пряжа, и тяжелые, как свинец. Изморозь, белой солью лежащая по утрам на траве. Зимний узор на окнах. Таких удивительных состояний воды в природе не знает северный австралийский берег. Человеку, тут выросшему, неизвестно, что где-то есть июль с васильками, ромашками и желтизной хлебов. И что июль незаметно, совсем незаметно сменяется тихим задумчивым августом, когда все в природе вдруг умолкает, когда подсолнухи низко склоняют

отяжелевшие головы и в садах фонарями светятся спелые яблоки, когда скворцы и ласточки собираются в стаи, а на березах появляется едва заметная желтая проседь.

В Подмоскovie есть у меня заветное место – лесная поляна вдали от дорог и тропинок. Я так и зову это место – «моя поляна». И уверен: никто лучше, чем я, не знает этого уголка на земле, заросшего по краям болиголовом, таволгой, ежевикой, а посередине просторного, солнечного, с хороводом ромашек и фиолетовых колокольчиков. Зимой поляна всегда истоптана зайцами и мышами. На молодом клене, вобрав голову в перья, морозными днями любят сидеть снегири. На ольховом кобле возле ручья весной почти всегда видишь сонного ужа и слышишь, как стонут весной над ручьем, трутся друг о друга сухая осина и наклоненная к ней береза.

Но особенно хороша на поляне ранняя осень. На рябину прилетают кормиться дрозды. В сухих листьях под ежевикой шуршат живущие тут ежи, и самое главное – осенью к этому месту приходят лоси. Я не сразу мог догадаться, почему под вечер вижу тут двух-трех лосей. Но однажды все объяснилось: лоси приходили пожевать яблок. Одним боком поляна упирается в заполненный рыжими бурьянами брошенный сад. Неизвестно кем и когда посаженный сад всеми забыт. Деревья в нем засохли и выродились. Плоды дают только растущие от корней дикие ветки. Охотников до нестерпимо кислых и мелких яблочек в лесу, кажется, не было. Но однажды, присев под вечер на краю сада, я услышал, как яблоки аппетитно хрустят на чьих-то зубах. Я приподнялся и увидел лосей. Один из лосей задирал голову и мягкой губой захватывал яблоки. Другой собирал яблоки, лежащие на земле. Он подогнул передние высокие ноги и стал на колени... Такие картины память наша хранит, как лекарство на случай душевной усталости. Сколько раз после трудного дня я приходил в себя и, успокоенный, засыпал, стоило

только закрыть глаза и вспомнить рябины со снующими в них дроздами, желтые бурьяны, запах грибов и двух лосей, жующих кислые яблоки...

Из городка Дарвин мы улетали утром, когда солнце только-только взялось на свой каждодневный труд по накоплению в небе воды. Мелькнул в круглом окошке желтоватый край чужого неуютного берега, и четыре сильных мотора понесли нас на север...

– Саша, подтверди, пожалуйста, что Земля – это шар, – попросил я, заглянув в закуток штурмана.

– Подтверждаю, – сказал штурман, не отрывая глаз от счетной линейки.

– А теперь скажи, Саша, какой наклон имеет земная ось? И не придет ли кому-нибудь в голову поставить ее поправее?..

– Слева по курсу через сорок минут покажется остров Суматра, потом будет Индия, через три дня будем дома, – понимающе подмигнул штурман.

Возвращение домой – очень хорошая часть в любом путешествии. Я сел подремать в кресле с приятной мыслью о волшебном наклоне оси, из-за которого есть на земле сенокосы и листопады, разливы рек, первый снег и первые ландыши. Из-за которого есть на земле волшебная средняя полоса.

Фото автора. 11 октября 1970 г.

Лесные находки

Окно в природу

Вы помните уговор: для «Окна» отбираем только по-настоящему интересные редкие снимки – любопытный момент в поведении животных, редкое явление, редкая встреча в природе.

Писем для нашей рубрики пришло много. Но, увы, снимки лишний раз убеждают: не на каждом шагу – находки, не всякий момент, схваченный фотокамерой, интересен широкому кругу людей. Очень много мы получили снимков с такими пометками: «Это моя собачка. Посмотрите, как выразительно она смотрит». «Портрет оленя, я с большим трудом снял его...» Согласитесь, друзья, снимок «просто собачки», сколько бы вы ни любили своего пса, и снимок «просто оленя», как бы много труда он ни стоил, чаще всего не содержит в себе сколько-нибудь новой информации. РЕДКОЕ, ИНТЕРЕСНОЕ, НЕОБЫЧНОЕ – это условие остается, если и в новом году мы решим оставить наше «Окно» в «Комсомолке».

А сейчас коротко о трех отобранных снимках... Осень была грибная, но, может быть, только Вале Новикову из подмосковной деревни Глухово попала в руки такая находка – «двухэтажный» гриб. Мальчик сообразил, что диковину интересно будет увидеть многим, и разыскал фотографа. Снимок для нас сделал Виктор Тюккель.

А медвежат на березе снял воронежский инженер Алексей Павлов. Весной он был на Урале и видел, как три медвежонка в мгновение ока оказались на дереве, на верхних тоненьких ветках. Опытные наблюдатели природы утверждают, что малыши-медвежата всегда ищут спасения на тоненьких ветках. Дело в том, что голодный папаша-медведь не щадит весной даже и медвежат. Но на тонкие ветки большому медведю никогда не забраться...

И, наконец, третий снимок. Его сделал лесничий Волжско-Камского заповедника Виталий Юхин. Согласитесь, не каждый из нас встречался в лесу с таким муравейником-великаном.

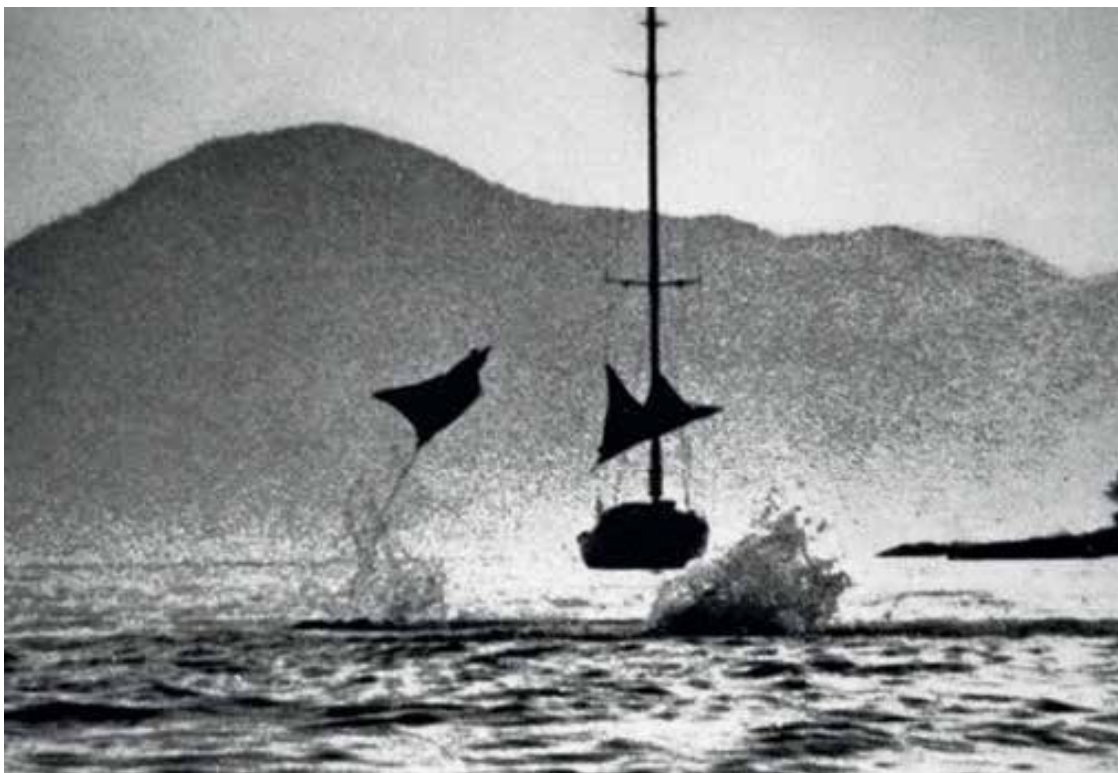
Фото из архива В. Пескова. 17 октября 1970 г.

Доля секунды

Окно в природу

Когда-то газеты выходили без иллюстраций. Сегодня хороший снимок с места событий способен заменить тысячу слов самых точных и самых ярких. Вот почему газеты идут иногда на большие затраты ради нужного снимка. Ради единого кадра репортера посылают, например, на Камчатку. Я сам летал с таким поручением и с ужасом думал: «Сколько же экземпляров газет надо продать, чтобы окупилась затрата на один только билет!» Но все окупается, потому что и видят снимок потом миллионы людей. Важно только, чтобы фотограф понимал меру своей ответственности и сделал максимально возможное. По этой причине хлеб фотографа-репортера – очень нелегкий хлеб.

Ценность снимка иногда окупает затраты и в миллионы рублей. Вы помните снимок Земли, сделанный с расстояния в девяносто тысяч километров? Мы увидели: да, Земля – это шар, несущийся в космосе. Такая съемка стоила многих денег и многих трудов. Но ведь и ценность снимка огромная! Подобные снимки формируют мировоззрение, утверждают философские истины...

Если теперь вернуться к обычным земным делам и спросить: какая из съемок наиболее трудная для фотографа? Я отвечу: съемка природы.

В поисках нужного кадра прилежный фотограф-анималист тратит иногда месяцы времени. И когда нужный момент наконец наступает, успеть надо в доли секунды.

Нам неизвестно, как были сделаны эти снимки, но это большая удача натуралистов. Возможно, фотографам повезло – счастливый случай должны караулить все, кто носит с собой фотокамеру. Но скорее всего эти кадры – результат большого терпения, большого желания запечатлеть яркий момент в жизни природы.

В съемке животных фотограф частенько выступает «организатором случая», например, выложит корм для оленей и кабанов и терпеливо ждет. Он знает: звери появятся в нужной точке. Эти же снимки предвидеть было нельзя. Никто не скажет, в каком месте орел выследит суслика и в какой точке моря вылетят на поверхность огромные скаты. Оказаться в нужный момент на месте и в нужную долю секунды спустить затвор... Такие снимки представляют для нас огромную ценность. Момент, увиденный одним человеком, становится достоянием многих людей, дает нам знания и волнующее зрелище. Посмотрите, как много рассказал об орле один снимок. Мы видим: вся мощь этой птицы сосредоточена в крыльях, в неожиданно длинных и сильных ногах. Мы знаем теперь, как легко уносит орел добычу, как работают на подъеме огромные крылья...

Эти снимки сделаны американскими фотографами-анималистами.

Фото из архива В. Пескова. 24 октября 1970 г.

Рыбалка в Африке

Окно в природу

После репортажей из заповедников Кении и Танзании я получил письмо, исполненное надежды: «А рыба? Удочкой... Неужели не попробовали?!»

Грешно было бы утаить этот день путешествия, когда мы, проснувшись в полночь, сели в автомобиль с удочками. Как и везде, рыба в Африке ловится лучше всего ранним утром, и потому мы очень спешили. Помню непролазный туман на дороге, незнакомые крики птиц, перевернутый ковшик Медведицы.

К озеру Найваша подъехали на рассвете. С воды не ушла еще ночь, но белые пеликаны, пролетавшие строем над озером, были облиты розовым светом. Лодочник-африканец грел руки над жаровней с углями. На воде, едва угадываясь, чистили перья утки и незнакомые голенастые птицы.

У африканского утра почти не бывает зари. Только что ощупью выбирали из земли червяков. И вот уже желтая лысина солнца показалась над болотистым берегом, и все кругом засверкало зеленью, синевой, золотистыми брызгами. Пеликаны опускались на озеро, распластав крылья, и, смешно вытянув ноги-шасси, гасили о воду скорость.

Скрипят две лодки. Мы разделились. В одной сидят спиннингисты, в другой – поплавочники. Вода прозрачная, теплая. Со дна поднимаются водоросли, похожие на гибкие елочки. На воде – точь-в-точь как наши – кувшинки с круглыми листьями, только цветы на них фиолетовые.

Святая минута. Сажаю на крюк тонкого желтоватого червяка и с надеждой кидаю снасть в окошко между кувшинками... Выясняется, что особых сюрпризов ждать нам не следует. В местных озерах водятся две только рыбы: **баситилапия**. Никакой мелочи, никаких тебе верхоплавков, пескарей и плотвы, которыми можно утешиться, если серьезная рыба не ловится.

Рыбу бас будут ловить спиннингисты. Это хищник (по словарям – окунь), завезенный в Африку из Америки. Я же на червяка буду ловить тилапию – исконную африканскую рыбу, черную, некрасивую, но будто бы очень вкусную. Наблюдая за поплавком, вспоминаю, что тилапия – та самая рыба, которая широко раскрывает рот и при опасности прячет в него мальков...

Клева, однако, нет. Стайки тилапий держатся возле берега. Приподнявшись, я вижу, как пузырится вода и темнеют черные спины небольших рыб. У спиннингистов дела идут лучше. Уже два баса трепыхаются в лодке, и вот, кажется, третий дугой согнул удилище. Большая сильная рыба нырнула под лодку. Суета. Крики: «Сачок! Сачок!..» Все в порядке. Рыбина килограмма в три весом шевелится в сачке.

А мои тилапии даже не нюхают червяка. Меняю места – пристаю к торчащим из воды пням, к черным суховатым корягам. Невзначай за корягу тут можно принять задремавшего бегемота. Но сейчас бегемоты откочевали в другую часть озера, и можно плавать не опасаясь. Нет, не клюют черные рыбы! Мне остается наблюдать, как ловят тилапию пеликаны. Хлопая крыльями, пеликаны гонят рыбу в заливы, на мелководье и там набивают висящие под клювом кожистые мешки. Поохотившись вволю, птицы садятся на коряги и распускают в стороны крылья – сушатся.

Жарко. Дремлет на воде поплавок. Дремлется рыбаку. От нечего делать начинаю в бинокль осматривать берега. По песочку ходят фламинго и цапли. Подбежал на отмель длинноногий взъерошенный гепард. Прежде чем лечь у воды, желтая кошка сладко зевнула, огляделась и потом, касаясь воды одним языком, стала пить.

Одну тилапию размером чуть больше ладони я все-таки изловил. Серовато-черная, чем-то похожая на камбалу рыба заглотила крючок, подобно тому, как это делают наши окуни и ерши. Но сколько потом ни бросал удочку, сколько ни менял червяка, поклевки не было.

Зато басов спиннингисты поймали семнадцать штук. Крупным был только один. Остальные потянули бы граммов по четыреста. Окраской этот американский окунь походит на нашего судака, но покороче, поголовастей.

А вечером рыба была на столе. Есть такой способ готовить рыбу – рыба в фольге. Попробуйте этот способ. И вы узнаете, почему в тот вечер от большого и четырех басов поменьше остались одни только кости.

Фото В. Пескова и из архива автора. 31 октября 1970 г.

Красота

Окно в природу

Два снимка сделаны в Африке, третий у нас, под Курском. Вы видите венценосного журавля, антилопу геренук и двух аистов, перед отлетом навестивших свое гнездо. О повадках этих животных можно рассказать много. Я видел, как журавли кружились в любовном танце, видел, как антилопы спасались от хищника и как мирно паслись потом, поднимаясь вот так, на задние ноги, чтобы сорвать нежные верхние листья.

Сегодня я хочу обратить внимание на красоту этих животных. Разве можно не любоваться удивительным убранством африканского журавля! Вдобавок к своей осанке и мягкой гармоничной расцветке перьев эти птицы носят корону из тончайших золотистого цвета иголочек. А посмотрите на антилопу... Природа, кажется, превзошла все возможности, создавая это хрупкое, грациозное существо. Антилопа как будто создана для того, чтобы ею, не отрывая глаз, любовались.

Но эти снимки – всего лишь три примера бесконечного ряда творений природы, отмеченных удивительной красотой. Вспомните петуха на вашем дворе и его огненную расцветку. Вспомните ласточку, сидящую на проводах, свистелей и снегирей на заснеженных ветках. Вспомните красную шапку гриба мухомора и живое красное зернышко с названием «божья коровка». Цветы, пестрые бабочки, морские звезды, раковины, удивительный пестрый орнамент на гибком теле змеи... Продолжать можно было бы бесконечно.

Человек – наиболее искушенное в восприятии красоты существо на земле. Его чувства отзываются на многое, к чему природа, возможно, и равнодушна. Но вряд ли надо считать, что только человеческий взгляд способна остановить красота. Закон эволюции, совершенствуя все живое, не забывает и красоту. Формы, звуки и краски, причудливо сочетаясь, служат в живой природе средством привлечь к себе, расположить, предупредить, напугать. Хаос этим целям служить не может. Вот почему, совершенствуясь непрерывно, природа совершенствует формы, совершенствует звуки и краски.

Человек и сам способен творить красоту. Но спросите любого художника, и он вам скажет: истоки всего прекрасного лежат в природе, в ней надо искать критерий вкуса. Обращение к природе всегда помогает обнаружить подделки под красоту. Ибо красиво то, что естественно.

Фото В. Пескова и из архива автора. 7 ноября 1970 г.

Потехи ради

Окно в природу

«Миша, а ну покажи, как мальчишки горох воруют...» И медведь на потеху толпе показывал, как воруют горох, как ходят пьяные из шинка... Это картинка из русского быта.

Наверное, еще с пещерных времен человек для потехи себе приспособил животных. До сих пор люди с удовольствием смотрят на бои петухов. Петухов для этого специально готовят, а во время боя страсти так разгораются, что бой петухов нередко кончается драками у людей. У нас в Средней Азии есть любители поглядеть, как забивают друг друга перепела. Есть любители тараканьих бегов, состязания бойцовых рыбок и лошадиных скачек. В Индии я видел людей, которые носят с собой два мешка. В одном змеи, в другом – мангуста, зверек чуть более крысы. За небольшую плату прямо на улице учиняется схватка непримиримых врагов. Всегда побеждает мангуста, поэтому змей для потехи ловить надо много.

Иногда зрелища ради в схватке с животными участвует человек. Просвещенные римляне в числе прекрасных дворцов и памятников оставили нам Колизей. В древнем цирке на потеху ревушей толпе люди бились насмерть друг с другом или оставались один на один с разъяренными львами... До наших дней в Испании дожила опоэтизированная схватка человека с быком, человек тут рискует, но, если он ловок, жертвой становится бык, а человек, воткнув в животное шпагу, слышит восторженный рев толпы.

Фантазия наша неисчерпаема. Зная повадки и возможности многих зверей, человек научил слона стоять на одной ноге вниз головой, заставил тигра прыгать через горящий обруч...

А вот новинка: в Америке появились наездники на страусах. Большая птица не только держит на себе человека, но и мчится с хорошей скоростью по дорожке (рекорд – 65 километров в час). Но наездники сетуют: «Седла нет, уздечки нет, управлять бегунами надо при помощи перьев». Вдобавок ко всему страус – птица капризная, «вдруг поворачивает и бежит в противоположную сторону...»

Фото из архива В. Пескова. 15 ноября 1970 г.

Столкновение

Окно в природу

Раньше этого не было. От повозки, с какой бы скоростью ни тянули ее лошади, ослик или верблюд, дикий зверь всегда успевал увернуться. При нынешних скоростях столкновения – явление частое. Вы замечали, конечно, как бьются о ветровое стекло и растекаются желтым прозрачным пятнышком пчелы. Иногда такая же участь постигает и маленьких птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.